

ΑΡΤΥΡΟ ΠΕΡΕΣ-ΡΕΒΕΡΤΕ

АРТУРО ПЕРЕС-РЕВЕРТЕ

КЛУБ ДЮМА,
ИЛИ ТЕНЬ РИШЕЛЬЕ

Москва
2020

УДК 821.134.2-312.4
ББК 84(4Исп)-44
П27

Arturo Pérez-Reverte
EL CLUB DUMAS O LA SOMBRA DE RICHELIEU
Copyright © Arturo Pérez-Reverte, 1993

Перевод с испанского *Натальи Богомоловой*
Художественное оформление серии «Белая птица»
Луизы Бакировой

Иллюстрация в марке серии:
© lelevien / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Художественное оформление серии «Pocket book»
Константина Гусарева

В оформлении обложки использована иллюстрация:
© Tithi Luadthong / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Перес-Реверте, Артуро.

П27 Клуб Дюма, или Тень Ришелье / Артуро Перес-
Реверте ; [перевод с испанского Н. Богомоловой]. —
Москва : Эксмо, 2020. — 480 с.

ISBN 978-5-04-115668-8 (Белая птица)

ISBN 978-5-04-115667-1 (Pocket book)

Книги дают взрослым людям пищу для ума, козыри для игры и костюмы для маскарада. Букинисты почти правят миром. Писатель, ловелас и мот Александр Дюма-старший — персонаж не менее современный, чем библиофил, бережно хранящий пропавшую рукопись. Охотник за книгами мотается по Европе в поисках сатанинского фоллианта, который отправил средневекового печатника на костер. Охотника за книгами хранит падший ангел. Коктейль из реальности и вымысла — отнюдь не вымышленная угроза.

В книгах Артуро Переса-Реверте возрождается литература, которую мы всегда любили.

В 1999 году по книге «Клуб Дюма» выдающийся режиссер Роман Полански снял фильм «Девятые врата» с Джонни Деппом в роли Корсо.

УДК 821.134.2-312.4
ББК 84(4Исп)-44

ISBN 978-5-04-115668-8
(Белая птица)

ISBN 978-5-04-115667-1
(Pocket book)

© Н. Богомолова, перевод
на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

*Кале, которая вдохновила меня
на этот бой*

Сверкнула вспышка, и на стену упала тень повешенного. Он висел в самом центре гостиной, на крюке от люстры, и по мере того как фотограф, кружа по комнате, делал снимки, тень перескакивала с картин на фарфор в застекленных витринах, с книжных полок на полураздвинутые портьеры. За огромными окнами лил дождь.

Молодой судебный следователь с еще не просохшими взъерошенными волосами, не сняв мокрого плаща, диктовал секретарю протокол осмотра. Тот печатал, сидя на диване и пристроив портативную машинку на стул. Стук клавиш крепкими стежками прошивал и монотонный голос следователя, и тихие комментарии полицейских, сновавших по гостиной.

— ...пижама, сверху — халат. Пояс от халата явился орудием удушения. Руки трупа связаны спереди галстуком. На левой ноге тапка, правая — босая...

Следователь дотронулся до обутой ноги покойника, и тело, чуть кользнувшись, начало медленно поворачиваться на туго натянутом шелковом шнуре слева направо, потом в обратную сторону, уже быстрее, пока не застыло в прежнем положении, — так магнитная стрелка, немного пометавшись, опять и опять упрямо указывает на север. Следователь отошел от покойника и при этом постарался не задеть полицейского в форме, который искал на полу отпечатки пальцев. Прямо под повешенным валялись осколки разбитой вазы и лежала

книга, открытая на странице с жирными красными пометками. Это был старый том «Виконта де Бражелона» — дешевое издание в матерчатом переплете. Заглянув через плечо агента, следователь сумел прочесть отчеркнутые строки:

- О, я предан! Известно все, решительно все!
- Все в конце концов делается известным, — заметил Портос, который, в сущности, ничего не знал.

Следователь велел секретарю занести эту деталь в протокол, а книгу включить в опись вещественных доказательств, затем направился к высокому мужчине, который курил у открытого окна.

— Ну и что вы обо всем этом думаете? — спросил он, пристраиваясь рядом.

Высокий был одет в кожаную куртку с полицейским значком на кармане. Он докурил сигарету, потом через плечо, не оглядываясь, швырнул окурок в окно и только тогда ответил:

— Когда бутылка содержит нечто белое, легко предположить, что там молоко. — Фраза прозвучала несколько загадочно, но по ответной улыбке следователя можно было судить, что для него тут никакой загадки нет. В отличие от полицейского он стоял к окну лицом и смотрел на улицу, где продолжал лупить дождь. Кто-то открыл дверь в противоположном конце комнаты, и в лицо следователю вместе с порывом ветра полетели крупные капли.

— Эй, дверь закрывайте! — крикнул он, не глянув назад. Потом обратился к полицейскому: — Ведь бывает, что преступники маскируют убийства под самоубийства.

— И наоборот, — спокойно заметил высокий.

— Ну а руки? Зачем понадобилось связывать их галстуком?

— Самоубийцы порой боятся, что в последний

миг им не хватит решимости довести дело до конца... Убийца связал бы ему руки за спиной.

— Но ведь это бессмысленно, — возразил следователь. — Взгляните, какой тонкий и прочный пояс. После того как несчастный потерял опору, у него не было шансов на спасение — руки ему не помогли бы.

— Кто знает? Подождем вскрытия.

Следователь еще раз посмотрел на труп. Агент, искавший отпечатки пальцев, поднялся с пола с книгой в руках.

— Любопытная страница.

Высокий пожал плечами.

— Я мало читаю, — сказал он. — Портос — это ведь один из этих... Как их? Атос, Портос, Арамис и д'Артаньян, — он считал, загибая пальцы левой руки большим пальцем правой. Потом задумался и добавил: — Забавно... Я никогда не мог понять, почему книга называется «Три мушкетера», хотя на самом деле их было четверо.

Глава 1

«АНЖУЙСКОЕ ВИНО»

Читатель должен подготовиться к тому, что он станет свидетелем самых жестоких сцен.

Э. Сю. «Парижские тайны»

Меня зовут Борис Балкан. Когда-то я перевел «Пармскую обитель». Кроме того, я пишу статьи и рецензии, которые знает пол-Европы, читаю лекции о современной литературе на летних университетских курсах и являюсь автором нескольких книг о популярных романах XIX века. Боюсь, правда, что ничего особо выдающегося я пока сделать не

успел. Ведь нынче настали совсем иные времена: самоубийства маскируют под убийства, романы пишет врач Роджер Экرويد, и всякий норовит опубликовать сотню-другую страниц с описанием захватывающих впечатлений, которые он испытал, разглядывая себя в зеркало.

Но не станем отвлекаться.

Я познакомился с Лукасом Корсо, когда он явился ко мне с «Анжуйским вином» под мышкой. Корсо был своего рода наемным солдатом у генералов-библиофилов, то есть промышлял охотой за книгами по заказам клиентов. Что требуется от человека, который занимается таким ремеслом? Он не должен быть слишком разборчивым в средствах, зато ему нужны хорошо подвешенный язык, быстрая реакция, терпение и, разумеется, большое везение — это в первую очередь. А также отличная память, чтобы вовремя сообразить, где, в каком пыльном закутке, в какой лавке старьевщика лежит томик, за который некто готов заплатить бешеные деньги. Корсо обслуживал узкий круг избранных клиентов: пару десятков букинистов из Милана, Парижа, Лондона, Барселоны и Лозанны — тех, что берут в работу всего полсотни книг, не более. Их можно назвать аристократами букинистического мира, ибо они торгуют инкунабулами, антикварными экземплярами и понимают: если книга переплетена в пергамен, а не в телячью кожу и поля у нее на три сантиметра шире обычного, это может поднять цену на тысячи долларов. Они — шакалы в царстве Гутенберга; пираньи, кружащие вокруг ярмарок антиквариата; пиявки, присосавшиеся к аукционам. Они способны продать собственную мать — лишь бы заполучить экземпляр первого издания; правда, клиентов они принимают в гостиных с видом на Домский собор или Боденское озеро и сидят при этом на кожаных диванах. И еще: они никогда

не пачкают рук и не пятнают совести. На то существуют такие типы, как Корсо, которые ничем не брезгают. Тем они и полезны.

Корсо сдернул с плеча холщовую сумку и бросил на пол, к ногам, обутом в нечищенные английские ботинки; потом уставился на портрет Рафаэля Сабатини¹ — он стоит в рамке у меня на столе рядом с авторучкой, которой я правлю статьи и типографские гранки. Это мне сразу понравилось, потому что обычно посетители не балуют портрет вниманием: они принимают Сабатини за моего престарелого родственника. Краешком глаза я наблюдал за реакцией Корсо и заметил, как он ухмыльнулся, усаживаясь в кресло; гримаса получилась какой-то ребячливой; он стал похож на кролика из мультфильма, когда тот впервые показывается в конце улицы и сразу завоевывает безоговорочную любовь зрителей.

Со временем я узнал, что Корсо умеет улыбаться и совсем иначе — как жестокий, изголодавшийся волк. Вернее сказать, умеет выбирать маску, соответствующую обстоятельствам. Но, повторяю, это я узнал много позже. А в тот миг он произвел на меня впечатление человека искреннего, и я рискнул подвергнуть его маленькому испытанию.

— «Он родился на свет с обостренным чувством смешного, — процитировал я, кивнув на портрет, — и врожденным ощущением того, что мир безумен...»²

¹ Рафаэль Сабатини (1875—1950) — английский писатель, автор почти сорока романов и множества рассказов. Наиболее известны романы «Скарамуш» (1920) и «Одиссея капитана Блада» (1922). — *Здесь и далее — прим. перев.*

² Здесь и далее роман «Скарамуш» цитируется в переводе И. Н. Тихонова и Е. З. Фрадкиной.

Я увидел, как он неспешно и уверенно качнул головой, и во мне проснулась симпатия к нему, чувство, что нас роднит принадлежность к общему делу. Чувство это, несмотря на все, что случилось в дальнейшем, я сохранил и до сих пор. Корсо достал откуда-то сигарету без фильтра, такую же мятую, как его старый плащ и вельветовые брюки. Он вертел сигарету в пальцах и рассматривал меня сквозь очки в железной оправе, которые косо сидели у него на носу, — глядел из-под упавшей на лоб пряди уже чуть седоватых волос. Другую руку он по-прежнему держал в кармане, словно сжимал там рукоятку пистолета. Замечу, кстати, что карманы его напоминали бездонные ямы — чего там только не было! Книги, каталоги и документы, а еще — о чем я тоже узнал позднее — там непременно лежала фляжка с джином «Болс».

— «...И в этом заключалось все его достоинство», — с ходу закончил он цитату, потом удобнее устроился в кресле и снова улыбнулся. — Хотя, если не кривить душой, мне больше нравится «Капитан Блад».

Я поднял вверх ручку, готовясь прочесть ему суровую отповедь.

— И тут вы не правы. «Скарамуш» для Сабатини — то же, что «Три мушкетера» для Дюма. — Я отвесил учтивый поклон в сторону портрета. — «Он родился на свет с обостренным чувством смешного...» За всю историю романов-фельетонов не было начальной фразы, равной этой.

— Что ж, спорить не стану, — согласился Корсо после паузы и тотчас выложил на стол папку с какой-то рукописью. Ее каждая страница помещалась в отдельном пластиковом конверте. — Знаете, а вы очень кстати упомянули Дюма.

Он пододвинул папку ко мне, но прежде повернул так, чтобы я мог ознакомиться с ее содержи-

мым. Все листы были исписаны по-французски и только с одной стороны; бумага была двух видов: белая, уже пожелтевшая от времени, и бледно-голубая в мелкую клеточку — тоже очень старая. Каждому виду бумаги соответствовал свой тип почерка. На голубой писали черными чернилами. И вот что интересно: теми же чернилами и тем же почерком была сделана правка на белой бумаге — поверх текста, написанного мелкими, вытянутыми вверх буквами. Всего в папке лежало пятнадцать страниц, из них одиннадцать — голубые.

— Занятно. — Я поднял глаза на Корсо. Тот терпеливо переводил взгляд с меня на папку и с папки на меня. — Откуда это у вас?

Он потер переносицу, явно прикидывая, до какой степени та информация, ради которой он ко мне явился, обязывает его быть откровенным. Потом скорчил новую гримасу — уже третий вариант — и стал похож на невинного и простодушного кролика. Да, Корсо, несомненно, был профессионалом.

— Да так... От клиента моего клиента.

— Понятно.

Он выжидательно помолчал. Ведь приметы хитрости — не только предусмотрительность и расчетливость, но и осторожность. Мы оба отлично это знали.

— Разумеется, — добавил он, — я готов, если вам будет угодно, назвать имена.

Я заверил его, что нужды в том нет, и он сразу успокоился, поправил очки и спросил мое мнение о манускрипте. Я не спешил с ответом и принялся перелистывать страницы в обратном порядке — пока не дошел до первой. Название было выведено заглавными буквами, жирное: «Анжуйское вино».

Я прочел вслух первые строки:

Après de nouvelles presque désespérées du roi, le bruit de sa convalescence commençait à se répandre dans le camp...¹

Я невольно улыбнулся. Корсо жестом показал, что хочет услышать мое суждение.

— Нет никаких сомнений, — сказал я. — Это рукопись Александра Дюма-отца. «Анжуйское вино», насколько могу припомнить, сорок какая-то глава «Трех мушкетеров».

— Сорок вторая, — подтвердил Корсо. — Сорок вторая глава.

— И это — оригинал? Подлинная рукопись Дюма?

— Ради этого я к вам и пришел — чтобы вы дали свое заключение.

Я пожал плечами, желая показать, что не готов взять на себя такую ответственность.

— А почему именно ко мне?

Это был глупый вопрос — из тех, что помогают тянуть время. Корсо, видно, подумал, будто я решил пококетничать. На лице его отразилось нетерпение.

— Вы ведь специалист, — буркнул он раздраженно. — Вы не только самый влиятельный в нашей стране литературный критик, вы всё знаете о романе-фельетоне XIX века.

— Вы забыли о Стендале.

— Не забыл. Я читал ваш перевод «Пармской обители».

— Надо же! Вы мне льстите.

— Боюсь, что нет. Мне больше нравится перевод Консуэло Берхес.

¹ После вестей о почти безнадежной болезни короля вскоре в лагере начали распространяться слухи о его выздоровлении... (*фр.*) Здесь и далее роман «Три мушкетера» цитируется в переводе В. Вальдман, Д. Лившиц и К. Ксаньинной.

Мы обменялись улыбками. Он мне решительно нравился, и я уже начинал привыкать к его манерам.

— А книги мои вам знакомы?

— Только некоторые. «Люпен», «Раффлз», «Рокамболь», «Холмс»... Или, скажем, работы о Валье-Инклане, Барохе и Гальдосе¹. Кроме того, «Дюма, или След гиганта». Потом — ваше исследование, посвященное «Графу Монте-Кристо»...

— И вы все это прочитали?

— Нет. Я, конечно, работаю с книгами, но не обязан их читать.

Он лгал. Или, по крайней мере, сгущал краски. Он принадлежал к породе людей основательных и добросовестных: прежде чем нанести визит, разузнал обо мне все, что мог, полистал все мои работы, которые сумел добыть. Он был из числа тех запойных читателей, что с самого нежного детства алчно проглатывают любой печатный текст. Правда, я до сих пор считаю маловероятным, что хоть в какой-то период детство Корсо заслуживало названия «нежное».

— Понимаю, — сказал я, только чтобы не молчать.

Он наморщил лоб, соображая, не забыл ли чего,

¹ А р с е н Л ю п е н — «вор-джентльмен», герой детективных сочинений французского писателя Мориса Леблана (1864—1941); Р а ф ф л з — персонаж, созданный английским писателем Эрнестом Уильямом Хорнунгом (1866—1921); Р о к а м б о л ь — герой многотомного цикла романов французского писателя Пьера Алексиса Понсона дю Террайля (1829—1871); Ш е р л о к Х о л м с — герой повестей английского писателя Артура Конан Дойла (1859—1930); Р а м о н М а р и я д е л ь В а л ь е - И н к л а н (1866—1936); П и о Б а р о х а - и - Н е с и (1872—1956); Б е н и т о П е р е с Г а л ь д о с (1843—1920) — испанские писатели-классики.

потом снял очки, подышал на стекла и протер их мятым платком, извлеченным из бездонных карманов плаща. Упомяну, кстати, что его не по размеру большой плащ, кроличьи зубы и миролюбивое выражение лица создавали обманчивое впечатление слабости и безволия. На самом деле Корсо был крепок и упрям, как кирпич. Черты лица у него были тонкими и резкими, словно оно состояло из острых углов, а глаза смотрели очень внимательно, хотя начинали лучиться простодушием, как только Корсо угадывал, что собеседника можно подсесть именно на простодушии. Порой он выглядел даже неуклюжим и вялым — особенно когда позволял себе расслабиться. Есть такие беспомощные и бесприютные на вид существа: знакомые угощают их куревом, официанты наливают лишнюю рюмку, женщины горят желанием немедленно взять их под опеку. До окружающих слишком поздно доходит, что их одурачили. А лицемер уже во весь опор скачет прочь, добавив на рукоять своего кинжала новые победные зарубки.

— Вернемся к Дюма, — предложил Корсо, показывая на рукопись. — Человек, написавший про него пятьсот страниц, должен с ходу почувствовать знакомую ауру — такую способен источать только подлинник. Довольно прикоснуться к страницам... Не так ли?

Я положил руку на покрытые пластиком листы — жестом священника, касающегося церковных реликвий.

— Боюсь разочаровать вас, но я абсолютно ничего не чувствую.

Мы дружно расхохотались. Корсо смеялся особенно — сквозь зубы, как человек, не вполне уверенный в том, что они с собеседником смеются над одним и тем же. Иначе говоря, то был злой и холодный смех, даже чуть нагловатый: он надолго зависа-

ет в воздухе и рассеивается нередко лишь после того, как смеявшийся покинул комнату.

— Давайте по порядку, — сказал я. — Рукопись принадлежит вам?

— Повторяю, нет. Один мой клиент только что приобрел ее, и его мучает вопрос: как могло случиться, что до сей поры никто не слышал о существовании полного рукописного оригинала этой главы «Трех мушкетеров»? Он желает получить формальное подтверждение подлинности... И поручил это дело мне.

— Знаете, меня удивляет, что вы занялись такой мелочью. — Тут я должен добавить: я тоже кое-что знал о Корсо. — Откровенно говоря, Дюма в нынешние времена...

Я не договорил и горько улыбнулся, приглашая его разделить мои чувства, но Корсо мне подыгрывать не стал и продолжал гнуть свое.

— Этот клиент — мой друг, — пояснил он спокойно. — Я хочу оказать ему личную услугу.

— Понимаю, но не уверен, что смогу быть вам полезен. Я видел рукописи Дюма, и эта вполне похожа на подлинную, но дать официальное экспертное заключение — дело иное. Тут нужен хороший графолог... Готов порекомендовать одного такого, он живет в Париже: Ашиль Репленже, владелец книжной лавки, где продают автографы и исторические документы. Лавка расположена неподалеку от Сен-Жермен-де-Пре. Он отлично знает французскую историю XIX века, к тому же — очаровательный человек и мой добрый приятель. — Я указал на стену, где в рамке висел некий документ: — Вот это письмо Бальзака я купил у него несколько лет назад. Естественно, за огромные деньги.

Я взял в руки записную книжку, чтобы найти нужный адрес, и протянул Корсо визитную карточку. Он спрятал ее в видавший виды, плотно наби-